

Молодой журналист Максим Агеев — студент четвертого курса филфака Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева. Публикуя в новой рубрике его рецензию на хрестоматийного «Рэмбо», мы и в дальнейшем предполагаем знакомство наших читателей с творчеством начинающих кинокритиков. Быть может, пройдет время, и их имена станут так же известны, как имена нынешних корифеев... Дадим им шанс.

Рэмбо — Сильвестр Сталлоне

Им нас пугали восемь лет. И он действительно страшен, когда корчит рожу, потрясая пулеметом. А так — ну милейший же человек! Не повезло Джону Рэмбо. Затертый нашими видео и забитый международными обозревателями, он прорвался наконец со своим пулеметом на небосклон нашего отечественного экрана.

Сам Рональд Рейган дал в свое время покровительство киногерою, оценив его заслуги в борьбе с «безбожным коммунизмом».

А мы, мучимые жестоким комплексом неполноценности, не могли тогда истолковать его приключения иначе, чем «ущерб военной и идеологической мощи СССР».

Но то был 1982 год, тяжело вспоминать.

А между тем в фильме Теда Котчеффа «Рэмбо. Первая кровь» (потом были «Рэмбо-II», «III»...) главный герой изначально представлен не как хищник, а как жертва (возвратившись с войны, ветеран встречает открытое

недружелюбие властей и вынужден вступить с ними в войну). Его жестокость не изощренность злодея, но реакция на непонимание, агрессия обороняющегося.

Это человек, прошедший огонь и воду Вьетнама и, как «зеленый берет», больше ничего не умеет, кроме как убивать, ползти на брюхе, выполнять задание...

Вспомним Афганистан.

Сейчас это пекло накрепко связано с Вьетнамом (да в общем-то с любой войной). Наши ребята, уйдя выполнять «интернациональный долг» (кому? во имя чего?) подростками, вернулись с изуродованной

психикой, но мало того — не приспособленными к нормальной жизни, не успев получить профессии.

«Мой брат Каин был в далекой стране...»

А Рэмбо? Он не убьет подростка, вместе со взрослыми отправившегося «на него». Не плюнет в лицо мертвому врагу. Но он, словно загнанный волк, до последнего бьется с теми, кто «первым пролил кровь».

В этом — ничего сверхъестественного.

В этом, как традиционный герой американского кино, Рэмбо более чем последователен.

...Давным-давно был

в Голливуде вестерн. Старый, добрый. Жанр, протянувший в кинематограф легенду о непобедимом ковбое, завоевателе Запада.

Сюжет фильма «Первая кровь» как бы накладывается на эту привычную схему, только теперь наши симпатии не на стороне благородного шерифа, как в фильме «Ровно в полдень» Фреда Циннемана, а на стороне бандита, терроризирующего местное население. (В «Рэмбо» шериф толст и зверообразен и готов придрататься к чему угодно.)

Как крепкий режиссер второго эшелона, Тед Котчефф просто не мог избежать этого архетипа, хотя и поставил его с ног на голову.

...Герой, вступающий в схватку с обществом. «Одиноким волк». Охотник на все времена. Вот где пригодилась Рэмбо его выучка, а Сталлоне — его бицепсы. Он устраивает в горах «маленький Вьетнам», который по-нынешнему (вестерн-то в США давно не в моде) вполне может сойти за прерии.

И если до «поломки» героя еще не совсем понятно, каким образом дальше пойдет действие, то далее нас просто с головой захлестывает стихия «охоты» — хорошо испытанные, сколь и банальные приемы типичного голливудского боевика.

Тут и гонка с преследованием (полицейский автомобиль как бы «повторяет» на ухабах прыжки убегающего от него мотоцикла), и зависание над пропастью, и удар по нервам (Рэмбо нитками зашивает свою собственную распоротую руку; зрительный зал всхлипывает!).

И, конечно, шкура. Как не сравнить изгоя с древним человеком, в одиночку сражающимся с природой. Убежавший от преследователей в одном исподнем, Рэмбо из какой-то холстины сооружает себе доспехи и в них, словно варвар Конан, воюет дальше.

Смотреть все это увлекательно, особенно «кто же победит?», но голова пустая.

А знаменитый итальянец, гигант с доверчиво-детским взором, в большей части ленты все же просто циркач, а не актер.

В споре «социальной» и «увлекательной» канвы, конечно, побеждает последняя, несмотря на сильнейшую (на пределе актерских способностей Сталлоне) сцену исповеди Джона на руках у «отца» — полковника. Этот фрагмент запоздало проясняет конфликт [фильма](#) с точки зрения «ветеранской» («Меня сделала таким армия!!»), но не снимает явной рекламности образа наемника, раз за разом уничтожавшего людей (они же — посланцы угнетающей, полицейской цивилизации).

В финале камера останавливается на лице взятого, но не сломленного Рэмбо.

Он себя еще покажет.

Он надеется на это, а мы это хорошо знаем.